

КУРТ ВОННЕГУТ

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
В73

Серия «Эксклюзивная классика»

Kurt Vonnegut

PALM SUNDAY

Перевод с английского *А. Аракелова*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Wylie Agency (UK) Ltd.

Книга содержит нецензурную брань.

Воннегут, Курт.

В73 Вербное воскресенье : [роман] / Курт Воннегут ; [перевод с английского А. Аракелова]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-158457-3

«Вербное воскресенье» — поразительная, причудливая и искусная мозаика эпизодов, смешных и печальных, которую сам Воннегут называл «автобиографическим коллажем».

Детство, юность, война, плен, радость брака и отцовства, катастрофа, новый взлет — воспоминания, которые писатель тасует, точно колоду карт, легко и почти небрежно. И на фоне всех этих зарисовок из его жизни четко проступает терзавший Воннегута всю жизнь «проклятый вопрос» — что спасает человека от одиночества и дарит смысл жизни?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-158457-3

© The Ramjac Corporation, 1981

© Перевод. А. Аракелов, 2023

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2023

*Моим родственникам из рода Сен-Андре,
где бы они ни жили.
Кому достался замок?*

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга — великое творение американского гения. Я трудился над ней шесть лет подряд. Я рычал и бился головой о батарею. Я истоптал холлы всех нью-йоркских гостиниц, думая об этой книге, я рыдал и голыми руками ломал мебель и старинные часы.

Это блестящий новый литературный жанр — книга сочетает неукротимую мощь серьезного романа и зубодробительную актуальность военной журналистики — почти забытой в наше время, хотя... Кто знает, кто знает. Я также вплеl в повествование яркую бесшабашность мюзикла, убийственный хук рассказа, легкий аромат личной переписки, литавры американской истории и напряженные нотки детектива.

Книга эта настолько глубокая и мощная, что напоминает мне эксперименты моего брата с радио. Он собрал передатчик собственной конструкции, подключил к нему телеграфный ключ и включил установку. Затем он позвонил нашему двою-

родному брату Ричарду, который жил в паре миль от нас, и сказал, чтобы тот включил свой приемник и покрутил настройки — вдруг на какой-нибудь частоте тому удастся расслышать сигналы моего брата. Им обоим было по пятнадцать лет.

Бернард выстукивал легко узнаваемые сообщения одно за другим. Сигнал «SOS». Дело было в Индианаполисе, крупнейшем городе мира, лежащем вдали от морских трасс.

Ричард перезвонил ему. Он был поражен — сказал, что сигналы Бернарда были отчетливо слышны по всем частотам, они заглушали новости, музыку и все, что в этот момент пытались передавать нормальные радиостанции.

Эта книга, несомненно, является шедевром небывалого масштаба, и, как новое явление, как полномасштабная атака на человеческие чувства, она требует введения нового понятия. Я предлагаю термин «лажа». Во времена моей юности мы определяли это слово как «два фунта дерьма в одnofунтовой сумке».

Я не против того, чтобы другие книги, попроще этой, но сочетающие выдумку и факты, тоже называть «лажей». «Книжное обозрение “Нью-Йорк таймс”» могло бы завести третью категорию для бестселлеров, что, по-моему, давно пора сделать. Если бы для «лаж» составляли отдельный список, их авторам более не пришлось бы выдавать себя за обычных романистов, историков и тому подобное.

Но, пока этот счастливый день не наступил, я, на правах действительно великого автора, настаиваю, что эта книга должна попасть в разделы как документальной, так и художественной прозы. То же и с Пулитцеровской премией: эта книга должна стать полным кавалером, победив в категориях романистики, драматургии, истории, биографической прозы и журналистики. Поживем — увидим.

Эта книга — не только лажа, но и коллаж. Сначала я хотел собрать в один том большую часть своих обзоров, речей и эссе, появившихся на свет после выхода прошлой подобной публикации 1974 года, «Вампитеры, Фома и Гранфаллоны». Но, разложив по порядку разрозненные тексты, я заметил, что они выстраиваются в подобие автобиографии, особенно если добавить к ним некоторые куски, написанные не мной. Дабы вдохнуть жизнь в этого голема, мне понадобилось добавить много соединительной ткани. Я справился.

Читатель найдет в этой книге мои размышления о том и о сем, потом какую-нибудь мою речь, или письмо, или что-то еще, потом еще немного болтовни и так далее.

На самом деле я не считаю эту книгу шедевром. Она неуклюжая. И сырая. Впрочем, по моему, она полезна как пример противостояния американского романиста и его собственной непреходящей наивности. В школе я был тупицей.

Что бы ни было причиной этой тупости, оно сидит во мне и сейчас.

Я посвятил эту книгу роду де Сен-Андре. Я сам из де Сен-Андре, это девичья фамилия моей прапрабабушки по материнской линии. Мама считала, что это говорит о ее благородном происхождении.

Ее вера была совершенно невинной, не стоит язвить и издеваться над ней. Мне так кажется. Все мои книги пытаются доказать, что человеческими поступками, какие бы они ни были гадкие, глупые или возвышенные, движут вполне невинные мотивы. Тут к месту придется фраза, сказанная мне Маршей Мейсон, блестящей актрисой, которая как-то оказала мне честь, согласившись сыграть в моей пьесе. Как и я, она уроженка Среднего Запада, родом из Сент-Луиса.

— Знаете, в чем проблема Нью-Йорка? — спросила она меня.

— Нет.

— Там никто не верит, что на свете существует невинность.

Человек, исповедующий либеральные взгляды и выбравший в спутники жизни личность, полную предубеждений, рискует своей свободой и своим счастьем.

Клеменс Воннегут (1824–1906). *Наставления в морали*
(Холленбек Пресс, Индианаполис, 1900)

ПЕРВАЯ ПОПРАВКА

Я принадлежу к последнему, как мне кажется, заметному поколению профессиональных, целиком посвятивших жизнь своему ремеслу американских романистов. Мы все в чем-то похожи. Великая депрессия сделала нас едкими и наблюдательными. Вторая мировая нанизала нас, и мужчин, и женщин, воевавших и оставшихся в тылу, на единую натянутую струну. Последовавшая эра романтической анархии в литературе дала нам деньги и каких-никаких учителей в пору нашей юности — когда мы только постигали ремесло. Печатное слово в ту пору в Америке еще оставалось главным способом записи и передачи мыслей на большие расстояния. Но это в прошлом, как и наша молодость.

В прошлое ушли и толпы издателей, редакторов и агентов, готовых поощрять деньгами и советом молодых писателей, рождающих такую же корявую прозу, как мои сверстники в те далекие годы.

Это было веселое и полезное время для писателей — сотен писателей.

Телевидение уничтожило рассказ как жанр, и теперь в книгоиздательстве верховодят счетоводы и бизнес-аналитики. Им кажется, что деньги, потраченные на издание чьего-то первого романа, потрачены зря. Они правы. Как правило.

Так вот, повторяюсь — я, видимо, принадлежу к последнему поколению американских романистов. Теперь романисты будут появляться поодиночке, а не плеядами, будут писать один-два романа и забрасывать это дело. Многие из них получают деньги по наследству или вступив в брак.

Самым влиятельным из моего круга, по моему, является Дж. Д. Сэлинджер, несмотря на его многолетнее молчание. Самым многообещающим был Эдвард Льюис Уоллент, который ушел от нас слишком рано. И я подозреваю, что смерть Джеймса Джонса два года назад — он-то уже был немолод, практически мой ровесник — придала этой книге отчетливый осенний привкус. Были, конечно, и другие напоминания о собственной бренности, можете мне поверить, но смерть Джонса прозвучала громче всех. Может, потому, что я часто вижу с его вдовой, Глорией, и потому, что он, как и я, был уроженцем Среднего Запада и, как я, стал участником нашего главного приключения — Второй мировой войны — в качестве призывника. Заметьте, что, когда самые известные авторы моего литературного поколе-

ния писали про войну, они почти единодушно презирали офицеров и делали героями полуобразованных, агрессивно-простонародных призывников.

Джеймс Джонс как-то рассказал мне, что издательство Скрибнера, печатавшее еще и Эрнеста Хемингуэя, захотело свести их вместе, чтобы два старых вояки поболтали о том о сем.

Джонс отказался. По его словам, он не считал Хемингуэя солдатом. Во время войны Хемингуэй мог приезжать на фронт и уезжать, когда ему вздумается, мог наслаждаться вкусной едой, женским обществом и так далее. Настоящим же солдатам приходилось находиться где приказано, идти куда приказано, есть помой и терпеть попытки противника прикончить их всяческими неприятными способами день за днем, неделя за неделей.

Наверное, самое замечательное в писателях моего поколения — возможность говорить абсолютно все без опаски или страха наказания. Наши американские потомки могут не поверить, как не верит большинство иностранцев, что какая-нибудь страна может принять закон, который звучит, скорее, как мечта, и гласит:

«Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться

и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб»¹.

Разве может народ такой страны растить детей иначе как в духе соблюдения приличий и взаимоуважения? Это совершенно невозможно. Данный закон, несомненно, должен быть отменен ради блага детей.

И даже сейчас мои книги за компанию с произведениями Бернарда Маламада, Джеймса Дики, Джозефа Хеллера и многих других подлинных патриотов регулярно вышвыривают из школьных библиотек решениями школьных советов, члены которых часто говорят, что сами-то книг не читали, но знают из достоверных источников, что книги-де вредны для детей.

Мой роман «Бойня номер пять» даже был сожжен в печи уборщиком школы в городе Дрейк, штат Северная Дакота. Так постановил школьный комитет, и школьный совет сделал публичное заявление о ее «непристойности». Даже по стандартам викторианской Англии единственной нецензурной фразой во всем романе была:

— Убирайся с дороги, тупой долбоеб!

Американский артиллерист крикнул это другому американцу — безоружному помощнику капеллана во время Арденнской операции в декабре 1944 года, которая обернулась крупнейшим по-

---

¹ Первая поправка к Конституции США. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ражением американских войск за всю историю (не считая Гражданской войны). Помощник капеллана вышел из укрытия и попал под вражеский огонь.

Поэтому 16 ноября 1973 года я написал Чарльзу Маккарти, в Дрейк, штат Северная Дакота, следующее письмо:

«Дорогой мистер Маккарти!

Пишу Вам как к председателю школьного совета города Дрейк. Я один из тех американских писателей, книги которых были уничтожены в ставшей уже знаменитой топке Вашей школы.

Некоторые жители Вашего города предположили, что мои произведения вредны. Для меня это непростительное оскорбление. Новости из Дрейка говорят мне, что книги и писатели не кажутся вам реалистичными. Я пишу это письмо, чтобы дать Вам понять, насколько я реалистичен.

Хочу Вам сообщить, что ни я, ни мой издатель никоим образом не пытались воспользоваться отворотительными новостями из Дрейка. Мы не потирали руки, пересчитывая деньги, которые сможем выручить благодаря такой рекламе. Мы отказались от приглашений на телевидение, не писали полных ярости писем редакторам газет, не давали пространных интервью. Нам противно, грустно и обидно. Я не собираюсь отсылать копии этого письма кому-то еще. У Вас в руках единственный экземпляр. Это мое личное письмо жителям Дрейка, которые выставили меня в дур-